

ИРКУТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

СВЯТЫЙ

марта 31

ИЗДАНИЕ

1884 г.

Выходятъ еже-
недѣльно.
Цѣна год. изд. въ
Ирк. 5 р., съ пер.
по поч. 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. при
Духов. Семинар.

№

13

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства.—Благо-
дарность.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленіемъ иркутскаго епархіальнаго начальства, 7—8 с. марта состоявшимся, утверждены въ должности цер-
ковныхъ старостъ при церквахъ: иркутской Спасской почет-
ный гражданинъ Константинъ Семеновичъ Чуринъ; къ харат-
ской Архангельской—крестьянинъ Алексѣй Александровъ Куз-
нецовъ; къ коноваловской Петро-Павловской—крестьянинъ
Иванъ Алексѣевъ Березняхъ; къ зиминской Троицкой—ино-
родецъ Максимъ Андреевъ Курегановъ; къ барлукской Успен-
ской—крестьянинъ Аѳанасій Петровъ Борисовъ; къ галадей-
ской Вознесенской—крестьянинъ Николай Ивановъ Мура-
шевъ, на трехлѣтіе съ 1884 по 1887 годъ.

Казначей иркутскаго архіерейскаго дома, священникъ
Левъ Черныхъ, согласно его прошенію, резолюціею Его Вы-
сокопреосвященства, положенною на ономъ 10 марта сего
1884 года, уволенъ отъ должности казначея архіерейскаго

дома и штатнаго священника Ниловой пустыни, а вмѣсто него назначенъ на тѣ же должности состоящій при церкви Иркутскаго духовнаго училища священникъ Иннокентій Сотниковъ.

Журналомъ читинскаго духовнаго правленія, на 28 число февраля состоявшимся, въ должности церковныхъ старостъ утверждены на трехлѣтіе: къ дучарской Благовѣщенской церкви казакъ Иванъ Тимоѣевъ Сарапуловъ, къ торейской Богоявленской—крестьянинъ Евлампій Ламухинъ.

И. д. псаломщика верхнеангарской Николаевской церкви Трофимъ Поповъ, послѣ болѣзни, съ христіанскимъ напутстваніемъ волею Божіею умеръ.

Б л а г о д а р н о с т ь .

Управляющій Оркинскимъ Благодатнымъ промысломъ К^о арендаторовъ с.-петербургскій мѣщанинъ Іаковъ Адамовичъ Банистеръ пожертвовалъ 25 руб. сер. на приобрѣтеніе праздничныхъ воздуховъ для гадымбойской Михаило-Архангельской церкви, и въ минувшемъ году іеромонахъ Иргенскаго стана Герасимъ на заведеніе священнической ризы 3 рубля. За такое пожертваніе причтъ означенной церкви изъявляетъ свою искреннюю благодарность упомянутымъ жертвователямъ.

Священникъ *Аванасій Ивановъ.*

4 марта 1884 г.

с. Гадымбой.

П Р И В А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

марта 31 № 13. 1884 Г.

СОДЕРЖАНІЕ: Протоіерей Константинъ Стуковъ.—Исправленіе погрѣшности.

Протоіерей Константинъ Стуковъ.

23 декабря 1883 г., въ Оекѣ, совершенно, очень скромно, погребеніе протоіерея Константина Константиновича Стукова.

Отпѣваніе совершалъ кудинской благочинный, протоіерей Іоаннъ Родіоновъ съ двумя мѣстными священниками.

Думается, что усопши священно-служитель заслуживаетъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Въ иркутской епархіи протоіерей Константинъ Стуковъ извѣстенъ былъ весьма многимъ лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ; оно извѣстенъ, если думается, болѣе по преувеличеннымъ разсказамъ, а также и ложнымъ слухамъ, по которымъ онъ представлялся совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности; вообще, мнѣнія и отзывы о немъ были очень разнообразны и противурѣчивы; ни признаться, ни сказать, не избилующія похвалами, ни одобреніемъ, ни похвалою. По этому я поставилъ себѣ цѣлю, изложеніемъ жизни протоіерея Стукова, не говорю, — установить на него определенную точку зрѣнія, или возвысить репутацію уже умершаго дѣятеля и, слѣдовательно, не нуждающагося въ человѣческихъ восхваленіяхъ; оно, оно сознаніе того, что этотъ дѣятель много послужилъ въ томъ званіи, въ немъ же призванъ бытъ и

еще болѣе выстрадалъ за свои ошибки и увлеченія въ долготѣйшей и разнообразной своей, жизни, — желалъ бы хотя поколебать тѣ мнѣнія и убѣжденія, кои, будучи и пристрастными и несправедливыми, какъ вообще народная молва, слухи, понахватанные большею частію съ вѣтра, но сложившись съ давнихъ поръ и въ извѣстномъ направленіи, — отличаются особенной и замѣчательно продолжительною живучестью.

Кремъ этого, жизнь протоіерея Стукова, его воспоминанія, убѣжденія, мнѣ кажется, имѣютъ интересъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

Но, взявши на себя высказанную задачу, однакожь не могу не замѣтить, что лично я по этому поводу имѣю свое убѣжденіе, навязывать которое, разумѣется, никому не намѣренъ, но и не вижу причины не высказаться предварительно, тѣмъ болѣе, что мое убѣжденіе сложилось не моментально, но за продолжительный періодъ знакомства съ протоіереемъ Стуковымъ и даже совмѣстнаго съ нимъ служенія.

Вотъ мое убѣжденіе. Протоіерей Стуковъ, не смотря на все разнообразіе о немъ мнѣній, былъ, въ существѣ дѣла, не инымъ чѣмъ, какъ однимъ изъ тѣхъ неудачниковъ въ жизни, которые, въ противовѣсъ баловнямъ фортуны, не смотря на свои недюжинные и разнообразные таланты, на выдающееся образованіе и пр., въ послѣдствіе именно крѣпкой независимости своего характера, ясно и явно, въ сожалѣнію, преувеличеннаго признанія своего превосходства, и въ всю жизнь борятся съ мелочными, а потому непреборимыми препятствіями, поставляемыми или эгоизмомъ среды или неблагопріятно складывающимися обстоятельствами, или же, польщенныя въ началѣ своей карьеры быстрымъ возвышеніемъ и почестями, въ послѣдствіи, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, подвергаются тяжкимъ униженіямъ и запятанные людскою несправедливостью и злопомнѣніемъ, — подъ бременемъ болѣзней,

правственныхъ страданій, матеріальныхъ бѣдствій и лишеній, умираютъ въ безвѣстности.

Именно въ этой категоріи и принадлежитъ протоіерей Стуковъ.

Исторія жизни, въ порядкѣ формулярнаго и списка съ присоединеніемъ личныхъ воспоминаній, слѣдующая:

Въ 1830 окончивъ курсъ въ Иркутской духовной семинаріи вторымъ студентомъ, протоіерей Стуковъ годъ былъ учителемъ въ иркутскомъ приходскомъ училищѣ. Въ 1831 г. преосвященный Ириней посвятилъ его священникомъ къ градо-иркутской Воскресенской (Тихвинской) церкви. Въ концѣ 1832 года Правленіемъ Московской духовной академіи опредѣленъ смотрителемъ нерчинскихъ духовныхъ училищъ и вторымъ священникомъ въ нерчинскому Воскресенскому собору.

На воспоминаніяхъ Стукова изъ этого періода считаемъ не лишнимъ пока остановиться.

Стуковъ, какъ и личный свидѣтель кратковременной, но не совсѣмъ обыкновенной дѣятельности преосвященнаго Ириней въ Иркутскѣ, относительно этого іерарха и лицъ, взявшихъ на свою совѣсть грѣхъ низверженія святителя, имѣлъ свои убѣжденія, во многомъ не согласныя съ текущей литературой.

Не ставя себя, разумѣется, отвѣтственнымъ за сужденія другихъ, я, тѣмъ не менѣе, въ видахъ серьезности историческаго событія и уясненія характеристики лицъ, принимавшихъ активное участіе въ этомъ печальномъ событіи, считаю умѣстнымъ привести подлинное сужденіе протоіерея Стукова, какъ современника преосвященнаго Ириней.

Вотъ это сужденіе. Преосвященнѣйшій Ириней прибылъ въ Иркутскъ въ то время, когда здѣсь, въ Сибири, продолжали еще царить въ управляющемъ классѣ произвольное казнокрадство, вмѣсто за-

копа, взяточничество, и насиліе и деспотизмъ, вмѣсто правды, унаслѣдованныя отъ незабвенныхъ сибирскихъ цивилизаторовъ: Пестеля, Трескина, Лоскутова и tutti quanti.

Будучи строгъ и справедливъ, но, къ несчастію, весьма горячъ и раздражителенъ, владыка пораженъ былъ неожиданной эксплуатаціей народа оглавяемыми Иркутскарьсь, которыми его, разумѣется, не могли связывать никакіе интересы.

И потому сразу стало во враждебное положеніе съ начальникомъ края, пра отсюда, разумѣется, ни съ его подчиненными.

Къ общему неудовольствію чиновничества вскорѣ присоединились свои лица мѣрныя и воздыханія: Иларій, Шарняковы, Гр и другіе, — большіе люди.

Не замѣчая, или, вѣрнѣе, не обращая вниманія на враждебность чиновначалія, а имѣя въ виду благо меньшихъ братьевъ, владыка, при необыкновенномъ дарѣ слова, положительно бичевалъ своими проповѣдями всѣхъ и вся, а больше всѣхъ доставалось начальству.

Взяточничество, распущенность нравовъ, крайній релігіозный индиферентизмъ выплата иркутскаго общества были обыкновенными темами горячихъ и возбуждающихъ импровизаций Ириня. Ну, разумѣется, вскорѣ же отъ начальника края и консисторіаловъ полетѣли въ столицу на владыку доносы, къ которымъ присоединилъ свой голосъ Иларій, эта лиса патрикѣвна, строго однажды избличенный святителемъ за нѣкія денежные дѣлишки. Иларій, ректоръ семинаріи, между прочимъ, писалъ о немъ въ Кіевъ своему дядѣ — митрополиту, что я положительно знаю, такъ какъ его письма, на греческомъ языкѣ, переписывалъ всегда я же.

Совокупныя дѣйствія интригантовъ сдѣлали свое дѣло: высшее начальство убѣждено въ умственомъ разстройствѣ Ириня, дощелшаго якобы до иступленія. А чтобы доносъ

подтвердились, такъ сказать, фактически, всенародно, в Лавинскому, обладавшему придворной полировкой, не трудно было придумать планъ, заставить Иринея, этотъ въ высшей степени нервный организмъ, и уже настроенный до послѣдней крайности, произвести скандалъ. И этотъ скандалъ произведенъ, при помощи Паряковыхъ и грубѣйшихъ полицейскихъ держимордъ. И изгибаетъ человекъ, въ полнѣйшемъ смыслѣ слова, строгій и безкорыстный администраторъ, нелицеприятный проповѣдникъ правды, онъ нестяжательности и чисто евангельской любви къ ближнимъ. . . Печатаются объ этой личности статьи и даже, пропечатано самое слѣдственное дѣло; но какое впечатлѣніе производятъ они на читателей и особенно знакомаго непосредственно съ самымъ дѣломъ? преосвященный Иринея здѣсь представляется какимъ-то блудливымъ школьникомъ, представимъ на судъ строгаго и до крайности мелочнаго ментора. Ни та степень нравственнаго и бытоваго состоянія общества, которая заставила Иринея такъ упорно дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, ни тѣхъ моральныхъ и по моему единственныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ свѣтскія власти и оо. консисторіалы стали къ Иринею во враждебную позицію, — въ статьяхъ не указано. И сужденіе выходитъ одностороннее, а потому невѣрное. Конечно, были люди, отлично знавшіе всю суть дѣла и понимавшіе вполне эту односторонность, напр., пр. Гр., и, однакожь, упорно молчавшіе. А почему? ларчикъ просто открывался: у нихъ самихъ, по поводу низверженія Иринея, рыльце было въ порядочномъ пушку“.

„Въ 1836 г., далѣе читаемъ въ формулярѣ, священникъ Кон. Стуковъ преосвященнымъ Иннокентіемъ награжденъ набедренникомъ, утвержденъ благочиннымъ собора и первоприсутствующимъ членомъ нерчинскаго духовнаго управленія“.

сентября. того же года за весьма ревностное исправление должности смотрителя нерчинскихъ духовныхъ училищъ и преподавателя древнихъ языковъ, засвидѣтельствоваанныхъ Иркутскимъ и семинарскимъ правленіемъ, и по случаю отличной сдачи экзамена учениками нерчинскаго училища, назначенныи къ переводу въ семинарію, получили благодарность сархи-настыря и семинарскаго правленія, за усовершенствованіе учебной и воспитательной частей въ реннаго едему и училища. Въ концѣ того же года, за ревностное прохожденіе должности первоприсутствующаго члена нерчинскаго духовнаго правленія, произведенъ въ санъ протоіерея къ нерчинскому Воскресенскому собору. Въ сихъ должностяхъ протоіерей Стуковъ пробылъ въ Нерчинскѣ до 1841 года.

Въ этотъ же періодъ, скажемъ мы, при помощи нѣкоторыхъ декабристовъ, о. Стуковъ основательно изучилъ польскій, французскій и нѣмецкій языки.

Да, сдѣлаться протоіереемъ въ 26 лѣтъ, безъ всякой протекціи, не только для тѣхъ временъ, но и для настоящаго, такъ сказать, всевидящаго времени, вещь очень мудреная. Надо было высоко выдаваться изъ среды своими нравственными и умственными качествами, и сильно потрудиться на томъ трудномъ служебномъ поприщѣ, каково учебно-воспитательное дѣло, которое требуетъ, а особенно отъ начальника, и всесторонняго умственнаго развитія, и устойчивости нравственныхъ убѣждений, и педагогическаго такта. И, разумеется, прочитывая въ формулярѣ о. Стукова рядъ благодарностей, наградъ и повышеній, за нерчинскій періодъ его службы, убѣждаешься, что о. Стуковъ вышеозначенными качествами обладалъ въ достаточной степени.

Но 1849 годъ былъ для о. Стукова роковымъ; фортуна, какъ говорится, теперь пустила для него свое колесо въ обратную сторону. Въ этомъ году сторѣла бурса и нестолько

отъ недосмотра, сколько отъ ветхости зданія и недостаточной его ремонтровки, вельдствие крайне мизерныхъ суммъ, отпущавшихся въ то время на содержаніе бурсы.

Враги постыжили обвинить смотрителя, люди, причастные къ этому печальному событію — инспекторъ, два учителя, жившіе въ самой бурсѣ, по чувству, конечно, самосохраненія, поддержали обвиненіе. И дѣло, по всей вѣроятности, кончилось бы очень печально для о. Стукова, если бы преосвященный Нилъ не взялся самъ разсмотрѣть это дѣло во всѣхъ подробностяхъ. По присущей ему проникательности, онъ ясно и скоро понялъ истинную причину пожара и съ о. Стукова сложилъ всякую отвѣтственность; но предубѣжденное духовенство и общество такъ и осталось при своемъ убѣжденіи, считая смотрителя единственною причиною пожара; но какую именно причину, этого, разумѣется, при всемъ желаніи, никто сказать не могъ, ни тогда, ни послѣ.

1841 и—42 годы проходилъ службу въ г. Иркутскѣ у Преображенской церкви. 1833 г. 19 іюня преосвященнымъ Ниломъ опредѣленъ миссіонеромъ къ хоринскимъ монголо-бурятамъ и проходилъ эту должность до 1850 года. За выше-сказанное время служенія въ миссіи получилъ отъ архіепископа Нила благодарность за ревностное проповѣданіе слова Божія и благоразуміе при сношеніи съ язычниками, и въ 1848 г. награжденъ фіолетовою скуфьею.

Въ этотъ же періодъ службы, замѣтимъ отъ себя, вращаясь, такъ сказать, въ сердцѣ ламайскаго жречества, о. Стуковъ основательно изучилъ буддизмъ, что доказалъ своею критикою на буддизмъ преосвященнаго Нила, также до тонкостей изучилъ книжный монгольскій языкъ и разговорный бурятской. Читеніе монгольской литературы, изученіе разныхъ бурхановъ въ статуеткахъ и картинахъ, замѣтимъ къ стати, было его страстію во всю жизнь, не ослабѣваго даже до смерти.

Но возвратимся къ формулярному списку. Съ 1851 года и по 1853 годъ протоіерей Стуковъ занималъ священническое мѣсто въ областномъ городѣ Читѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго члена статистическаго и оспеннаго комитетовъ забайкальской области. Больше этого за читинскій періодъ службы о. Стукова, въ формулярѣ его ничего не сказано; а между тѣмъ, по личнымъ воспоминаніямъ покойнаго, этотъ періодъ службы о. Стукова не безинтересенъ и самъ по себѣ и по печальнымъ результатамъ для покойнаго.

Въ то время, воспоминалъ протоіерей Стуковъ, какъ я поступилъ въ Читѣ, здѣсь было преобладающимъ элементомъ аристократическое общество, могшее составить украшеніе и далеко не такому городишку, какъ Чита: генераль-лейтенантъ Запольскій, въ должности наказнаго атамана забайкальскихъ войскъ, имѣлъ въ Читѣ свою резиденцію. Свиту его составляли офицеры большею частью съ высшимъ образованіемъ. При дворѣ Запольскаго также былъ приять, лицемъ ро-зодушевно, и извѣстный своими корреспонденціями въ „Морской Сборникъ“ Завалишинъ, въ ротѣ котораго, признаться сказать, такіе частенько заглядывали, ожидая отъ него какъ отъ Валаамовой ослицы, неопровержимыхъ проричаний и гениальныхъ идей. Разумѣется, и я не долго оставался незамѣченнымъ. Вскорѣ приять былъ при дворѣ, какъ свой человекъ, и даже нѣкоторое время пользовался фаворомъ Запольскаго, будучи его духовникомъ. Но, какъ природный сибирякъ, я не могъ безъ сердечной боли смотрѣть на ту лихорадочную, насильственную, безумную эксплуатацію дѣлаго Забайкалья для заселенія дикихъ дебрей Амура, на тѣ страшныя жертвы, которыя забайкальскій казакъ и собственной жизнью, и благополучіемъ семьи, и своимъ трудно-пріобрѣтеннымъ благосостояніемъ приносилъ, какъ всѣмъ тогда казалось, для удовлетвореніе тщеславія двухъ-трехъ молодыхъ

Сибири. Мое возрѣніе въ тихомолку раздѣлялъ и Завалишинъ, угрожая молохамъ всѣми ужасами „Морскаго Сборника“ „Можетъ, были и другіе того же мнѣнія“, но публично, утверждалось всѣми, что Амуръ для Россіи будетъ то же, что Индія для Англіи, но съ тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что черезъ Амуръ намъ открывается прямая и короткая дорога въ Америку, цивилизованнѣйшую страну свѣта, всевозможнѣйшими произведеніями которой, мы, дескать, будемъ пользоваться изъ первыхъ рукъ и, по сравненію съ настоящимъ, за баснословно-дешевую цѣну. „Я уже вижу, прорицалъ ораторъ, въ весьма недалекомъ будущемъ, какъ наши казачки кокетливо любятъ собою въ саженныхъ зеркалахъ. Ну, и любовались, только не „въ саженныхъ зеркалахъ“, но въ мутно-глинистой поверхности Ингоды, Шилки и Амуре, по которымъ этихъ франтихъ турли въ зашей колонизировать сибирскую Индію“.

„Разумѣется, всякой другой, практической человѣкъ, поставленный въ тѣ великолѣпныя—матеріальныя, общественныя и служебныя условія, въ которыхъ стоялъ я, счелъ бы обязанностью быть пассивнымъ зрителемъ амурско-колонизаторскихъ ужасовъ, автоматическимъ дѣятелемъ буквы, формы и предписаній, и плылъ бы себѣ, не смѣшиваясь ни съ чѣмъ, какъ маслянное пятно, и, конечно, уплылъ бы очень далеко по рѣкѣ чиновъ, наградъ и матеріальнаго благополучія; оно совершенно не то случилось со мною.“

„Надо сказать, что при дворѣ наказнаго атамана, какъ и при всякомъ дворѣ, любезнѣйшимъ времяпрепровожденіемъ была интрига, теветъ которой не избѣжалъ между прочими и я. На меня было донесено, что я открыто держусь консервативныхъ убѣжденій и прoderзостно разглагольствую о дѣйствіяхъ начальства. Разумѣется, вскорѣ же мнѣ была напомнимена, и даже очень не двусмысленно, поговорка о свѣрч-

въ, и затѣмъ закрыты были для меня двери въ высшее общество. После чего посыпались на меня невиданныя предписанія, придирки, замѣчанія и вообще жизнь моя сдѣлалась рядомъ тягчайшихъ испытаній и незаслуженныхъ оскорбленій“.

„Не въ моемъ вообще характерѣ оставлять оскорбленія безъ возмездія“.

„И вотъ, за царской обѣдней, на которой присутствовала вся чинская знать, я и рѣшился сдѣлать возмездіе, да не въ бровь, а прямо въ глазъ; а тамъ, думаю себѣ, твори Богъ волю свою. По своему обыкновенію сказалъ изъустное слово на текстъ: *Рахиль плакашеся чадъ своихъ и не хотяше утѣшиться, яко не суть.* Подъ Рахилью, съ неиростительною, разумѣется, натяжкою, представилъ злополучную въ то время, восточную Сибирь, и равьше стенавшую, съ весьма малыми роздыхами, отъ навозныхъ цивилизаторовъ и администраторовъ, но теперь горько и беззутѣшно рыдающую отъ тщеславныхъ затѣй сибирскаго графа. И, признаюсь, раздраженный до бѣшенства царскими во всемъ несправедливостями и вопіющимъ деспотизмомъ, я таки не пожалѣлъ красокъ для иллюстраціи своихъ положеній“.

„Думаю, что не одинъ разъ въ то время икнулось карійскому чудовищу, И. Е. Разгильдѣеву, который, надо вамъ сообщить, чтобы заполучить чинъ, представьте—чинъ! въ одно лѣто закопалъ въ могилу египетскими работами тысячи несчастныхъ каторжниковъ и тѣмъ возбудилъ моровую язву, распространяющуюся далеко за предѣлы пріисковъ, и, разумѣется, руками этихъ же сугубо-несчастныхъ понытаскалъ каштаны: 100 пудовъ золота намыль, полковника заполучилъ и, удаляясь, навѣрное сказалъ: *душе, имаши многа блага и на многа мѣта; яждь, ній по веселись во вся дни свѣтло.*“

Заразы послѣ слова, не дожидаясь окончанія обѣдни, начальство величественно удалилось. И вотъ, какъ изъ чуднаго, миеологическаго рога изобилія, посыпались на меня возможные и невозможные запросы. А недѣли черезъ двѣ прилетѣлъ указъ — явиться мнѣ немедленно въ Иркутскъ для дачи объясненій. Ну, извѣстное дѣло, противъ яростна труднаго есть прати: распродалъ за полцѣны свое недвижимое и недвижимое имущество и приѣхалъ въ Иркутскъ. Начальство, подъ давленіемъ графа, какъ въ доподлинно послѣ узналъ, объявило мнѣ, что оно больше въ моихъ услугахъ не нуждается. И такъ я съ четырехъленной семьей безъ суда и слѣдствія на цѣлыхъ 13 лѣтъ лишенъ былъ всякой службы въ духовномъ вѣдомствѣ.

Въ формулярѣ о. Стукова этотъ періодъ отмѣченъ такъ: „въ 1857 г. 21 января имѣлъ счастье получить отъ Государя Императора, за поднесенное Его Величеству сочиненіе на монгольскомъ языкѣ; монаршую благодарность, объявленную статсъ-секретаремъ, д. т. сов., княземъ Александромъ Голицынымъ. Въ 1862 г. декабря 29 дня избранъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, имѣеть дипломъ. Въ 1863 г. избранъ дѣйствительнымъ членомъ иркутскаго губернскаго статистическаго комитета, имѣеть дипломъ. 1865 г. февраля 5 дня за полезные труды по части отечественнаго землевѣдѣнія награжденъ отъ русскаго географическаго общества серебряною медалью“.

Считаю умѣстнымъ изъ этого же періода занести нѣсколько личныхъ воспоминаній усопшаго. „Легко сказать, говорилъ о. Стуковъ, жить въ Иркутскѣ съ семьей безъ всякаго мѣста въ теченіе 13 лѣтъ; но чего это стоитъ, знаетъ, какъ говорится, спина да подошлека.“

Коротко скажу: я жилъ единственно литературными трудами, состоя членомъ иркутскаго отдѣла географическаго общества. Какъ жилъ, это, разумѣется, дѣло лично меня касающееся. Но, припоминая это тяжелое время, я всегда оста-

навливаюся съ величайшею, искреннѣйшею благодарностью на двухъ прекраснѣйшихъ личностяхъ, вполне сочувствовавшихъ моему положенію. Это, во-1) председатель географическаго отдѣла Я. Кукель, — человекъ, при замѣчательно-свѣтломъ умѣ, соединявшій въ себѣ гуманнѣйшія, благороднѣйшія убѣжденія съ золотымъ сердцемъ; во-2) Б. А. П. Милютинъ, этотъ, говоря по просту, истинный другъ человѣчества. Въ 1866 г. удаче говорится въ формулярѣ, по предложенію архіепископа Пареева, въ 18 сентября определенъ миссіонеромъ въ тункинскій край и священникомъ къ тужирской Троицкой церкви, какъ человекъ, по личному усмотрѣнію Его Высокопреосвященства, тѣмъ прохожденію миссіонерской должности очень способный и въ познаніи монгольскаго языка отлично свѣдущій; но 15 октября 1867 г., вслѣдствіе указа Св. Синода по бытіи одному протоіерею Доржиеву миссіонеромъ всего тункинскаго края, вмѣстѣ съ прочими миссіонерами покинулъ тункинскій край.

Здѣсь считаю умѣстнымъ остановиться на религиозныхъ вообще воззрѣніяхъ о. Стукова и, въ частности, на его мнѣніяхъ о миссіи и миссіонерахъ.

Въ своей долгой и разнообразной жизни, говаривалъ о. Стуковъ, я, разумѣется, въ весьма многомъ пересаливалъ, но ваяясь въ трамвѣ времени, и увлекаясь идеями и писаніями, *яже не отъ духа* и проч. и потому слылъ за либерала; но, положа руку на сердце, скажу откровенно, что никогда не принадлежалъ къ тѣмъ резонерамъ, для которыхъ религія, будучи дѣломъ совѣмъ десятымъ, въ весьма многихъ своихъ проявленіяхъ составляетъ предметъ пересудовъ, тривіальныхъ остротъ и глумленій. Напримѣръ, хоть бы теперь и миссіи. Какъ старинный миссіонеръ, скажу, что я отлично знаю цѣну миссіи и потому смиренно преднонаюсь предъ этимъ великимъ чисто-апостольскимъ учрежденіемъ. Да и Возможноли

иначе? Помните, напр., давно ли наша миссія, какъ корпоративное учрежденіе, начала свою дѣятельность? — съ преосвященнаго Нила, а дѣтъ 30-ть, ну 40, вне болѣе, а вполне правильную организацію, со всеми мелочными частностями, получили лишь при послѣднихъ кирутскихъ іерархахъ. Но какой результатъ можетъ видѣть человекъ, самою собою разумѣется, не предубѣжденный, и безпристрастный? Сотни тысячъ сибирскихъ дикарей (изъ номадовъ) превратились въ осѣдлыхъ дѣятелей и, болѣею частію, лучшихъ земледѣльцевъ въ разпопорожномъ населеніи Сибири; видѣть или, вѣрнѣе, знаетъ, что если не тысячи, то сотни дѣтей этихъ прозелитовъ, усиливши иждивеніемъ той же миссіи, являются въ роли полезныхъ, талантливыхъ и даровитыхъ дѣятелей во всехъ сословіяхъ, на всѣхъ поприщахъ службы своей родинѣ. Развѣ этого мало? А дѣтъ болѣе, не имѣю основанія судить и вѣрять о оцѣ миссіонеровъ, а прищѣпляясь къ мелочнымъ фактамъ, въ которыхъ (если и заявляется что-нибудь, то не болѣе, не менѣе, какъ присутію челоѣку слабости. Нѣтъ, на противъ: эти дѣятели, получившіе, болѣею частію, серьезное среднее образованіе, овкусившіе плодовъ культуры и цивилизаціи, но часто и дѣлую жизнь прозябающіе со своею семьею въ средѣ дивихъ таборигеновъ та сибирскихъ степей или дѣвственныхъ трущобъ, и достойны всякаго уваженія и лучшей участи, и вполне почтенны.

„Въ самомъ дѣлѣ, что такое миссіонеръ? Это безкорыстный служитель христіаннѣйшей и обще-государственной идеи, не болѣе, не менѣе, вся сила котораго заключается въ одномъ только словѣ, и потому не даетъ поразительно-громкихъ, виста-апостольскихъ результатовъ, какъ это любятъ ставить не рѣдко вышнпкующимъ миссіонерамъ, разные, утопистами идеалисты, въ сущности дѣла и не похавшіе пороку“.

определяет, Разумъ берется, человекъ всецѣло, до самоотверженія проникнутый—извѣстной идеей, а особенно религіозной, весьма много можетъ сдѣлать для ея осуществленія, если на своей дорогѣ явнени встрѣчаетъ препятствія. Но, въ томъ-то и дѣло, что для людей этихъ, это-первыхъ, какъ бы единичныхъ възовыхъ явленій, почти нѣтъ; во-вторыхъ, пропаганда миссіонера, хоть бы даже и офанатизированная, парализуется (на каждомъ шагѣ глумл.) Этогоизмъ инт. корыстолюбие не посредственныхъ властей и породческихъ ставить первымъ и главнымъ условіемъ этимъ властямъ, для ихъ эксплуататорскихъ цѣлей, держать бурята возможно далѣе отъ миссіонера, какъ бы единственнаго человека могущаго по достоинству оцѣнить все безобразіе беззаконій, продѣлываемыхъ въ надъхтенной массею, во имя закона. Моветно, что я говорю о сороковыхъ и отчасти пятидесятихъ годахъ, тогда вѣще не выработались такіа исключенія, какъ теперь хоты балаганскій округъ, въ которомъ, по просвѣщенному мнѣнію, вліянію мѣстной власти, или по счастливому географическому положенію, но и съ неизмовѣрно-быстрымъ распространеніемъ христіанства, чисто русская культура и цивилизація становится вѣже твердою ногою; 2) бездѣйствіе въ пользу миссіи свѣтскихъ властей, на основаніи яко бы закона вѣротерпимости, по результатамъ равняется открытой антипатіи начальства (къ миссіи вообще и къ миссіонерамъ въ частности; и, наконецъ, въ-3) такъ сказать, естественное обстоятельство, неизбѣжное, но встающее крѣпкою стѣною на пути миссіонера,—это ламы. Впрочемъ, объ этомъ обстоятельстве я говорю только къ слову, т. е. чтобы показать, какъ сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что ламы—духовенство бурятъ—такіе же простецы, какъ и ихъ непривилегированные сородичи. Нѣтъ, большинство изъ нихъ, по умѣнью интриговать, а враждебно настроивать противъ миссіонера, всѣхъ и вся и даже при случаѣ толкнуть его въ при-

готовленную ими яму, и все это под личиною крайней простоты, могло бы сдѣлать не малую честь и о. о. братьямъ ордена Лойелы. Последнее я имѣлъ несчастіе испытать на своей собственной персонѣ въ тункинскомъ краѣ, и если не сдѣлался полною жертвою иезуитской догмы ламъ, то репутацие свое потерялъ окончательно. Да, удивительно иногда въ жизни чело- вѣка слагаются обстоятельства: безъ вины, но виновать... но, что случилось, то случилось. *Errare humanum est.* Считаю не лишнимъ привести мнѣніе прот. Стукова о чудесахъ, или, вѣрнѣе, до чрезвычайнаго проявленіи благодати Божіей въ напавшихъ на новохристіановъ бурятахъ. Дѣйствительно, по природѣ ума большей трухи скептикъ, сознавался о. Стуковъ, часто много и зло смѣялся надъ тѣмъ, что дѣйствительно было смѣшнымъ, и за это получилъ названіе либерала; но что бы абсолютно сомнѣваться въ фактахъ чудеснаго, сверхъестественнаго проявленія благодати Божіей тамъ, гдѣ это, по высшему суду, сочтено нужнымъ, не только не имѣю никакого основанія, но, напротивъ, я бывши самъ свидѣтелемъ двухъ необыкновенныхъ явленій силы Божіей, я крѣпко убѣжденъ въ дѣйствительности фактовъ подобнаго рода, заявляемыхъ мнѣ въ міру печатно, и, кромѣ того, (по собственному опыту, думаю, что весьма многія сверхъестественныя явленія остаются вовсе неизвѣстными міру). Вотъ, напр., фактъ, который я, кажется, никому не сообщалъ. Въ 1845 году, въ бытность мою въ Куляхъ, однажды зимою является ко мнѣ буряты и просятъ меня понапутствовать его больную сестру, Анисю, раньше извѣстную мнѣ, какъ весьма набожную дѣвушку. Буряты возница дорогою сообщилъ мнѣ, что больше уже полугода, какъ Анисья не только оставила христіанство, но что безъ страшныхъ прок-

лятии объ немъ и говорить не можетъ. Разумѣется, все это меня страшно покоробило. Вліяніе шамы здѣсь было несомнѣннымъ. Вошедши въ юрту, я былъ пораженъ необыкновенною сценою: Анисья, въ платьѣ Еввы, съ страшно искаженнымъ лицомъ, перескакивая изъ одного ящика въ другой, которые устраиваются бурятами вдоль стѣнъ для сна, необыкновенно-сильнымъ голосомъ взвизгивала и выводила волчія руглады. Оказалось, что она въ этомъ состояніи сумасшествія находится уже болѣе недѣли. Ясно, что исповѣдывать и приобщать ее не было никакой возможности; и, не вступая неотвязнымъ просьбамъ и молебамъ ея родственниковъ что либудь дѣлать, рѣшилъ отслужить водосвятный молебенъ. Надѣяи на кою воды прочелъ молебенъ и, можетъ быть, возбужденный до крайности неистовыми и всевозможными криками больной, уже связанной по рукамъ и ногамъ и удерживаемой около меня двумя бурятами, въ первый разъ въ жизни молился вполне искренно, изъ глубины сердца.

Къ концу молебна больная утихла. Три раза я помылъ на голову больной воды, а остатокъ далъ выпить. Анисью развязали и совершенно обезсильную, но въ полномъ сознаніи, снесли на постель. Шокафи попилъ чаюти, трѣпнымъ дѣломъ поархидачилъ*), Анисья въ совершенной выправились, рассказала о своихъ, по толкованію чигинскаго доктора Крэмкова, „галлюцинаціонныхъ видѣніяхъ“, и въ слѣдствіе на какой-то тамъ рефлексіи, исповѣдалась и приобщилась, и послѣ того болѣзнь ея уже не возвращалась, а возвратилась ея набоже постъ, но только въ болѣе горячемъ и осмысленномъ видѣ“.

Другое обстоятельство. Въ 60 годахъ я былъ откомандированъ Иркутскимъ отдѣломъ географическаго общества для собранія въ некоторыхъ этнографическихъ свѣдѣній въ тункинскомъ краѣ. Преосвященный Пароеній, узнавши о моемъ (*). Т. е. выпилъ араки. отъ оной, оятспітэнрхъ занявтэо омадот

ей командировкѣ, я просилъ меня взять съ собою требникъ и напутствовать бурятъ въ районѣ одного большаго миссіонера, кажется о. Н. Никольскаго. Исполняя приказанія владыки, я, между прочимъ, крестилъ въ култукской церкви младенцевъ. Во время крещенія входитъ въ церковь бурятъ, волоча за собою громадѣйшую медвѣжью шкуру. Шкуру эту бурятъ разостлалъ на полу у иконы св. Николая и началъ по всему очень усердно молиться, т. е. быстро кланялся, безпрестанно прикладывая ко лбу руки, сложенные въ видѣ остраго угла. Молитва его продолжалась во все время, пока я крестилъ. По окончаніи крещенія бурятъ просить меня окрестить и его, и при этомъ разсказалъ мнѣ о необыкновенномъ происшествіи въ его послѣдней охотѣ, вслѣдствіе котораго онъ и далъ обѣтъ креститься, а кожу медвѣдя пожертвовалъ въ церковь. Обстоятельство это слѣдующее: этотъ бурятъ отправился на охоту и скоро нашелъ медвѣжью берлогу. Какъ бывалый и опытный звѣроловъ, бурятъ очень обрадовался своей находкѣ; немедленно заломилъ берлогу и сталъ поднимать звѣря; но медвѣдь почему-то, противъ своего обыкновенія, бросился изъ берлоги весьма стремительно, въ моментъ вышибъ заломы и, выхвативъ у оторопѣвшаго охотника винтовку, сорнулъ ее въ калачъ. Совершенно растерявшись отъ необыкновенно-быстрыхъ движеній медвѣдя, охотникъ, произнося только имя св. Николая, уже чувствовалъ на своей головѣ тяжелую лапу страшнаго врага и моментъ, — глаза охотника закрылись бы собственнымъ его черепомъ; но въ этотъ именно моментъ вблизи берлоги раздался громкій: у—ухъ, человѣка. Медвѣдь оглянулся и мѣткой выстрѣлъ наѣхавшаго охотника положилъ медвѣдя на мѣстѣ. Наѣхавшимъ охотникомъ оказался отецъ бурята, довольно хилый старецъ, давно уже не бравшій въ руки винтовки и выѣхавшій теперь въ лѣсъ потому, что „сердце поднимало“.

Бурята я отправилъ къ миссіонеру, и тотъ, вѣроятно, исполнилъ его желаніе.

Объ этомъ событіи я разсказалъ преосвященному Пароенію, и на его просьбу далъ слово написать его и прибавить еще болѣе поразительное обстоятельство; но личный свидѣтель этого послѣдняго, компетентная и весьма авторитетная личность, о. Саввинъ былъ такъ боленъ, что не было возможности къ серьезному объясненію съ нимъ.

И такимъ образомъ я не могъ выполнить, къ крайнему моему сожалѣнію, слова, даннаго глубокоуважаемому мною архиепископу.

1 марта 1868 г. сказано далѣе въ формулярѣ, по предложенію архіепископа Царсена, прот. Стуковъ опредѣленъ священникомъ при градо-иркутской Покровской церкви. Но, говорилъ прот. Стуковъ, служеніе въ Иркутскѣ, хоть бы даже и у Покрова, становилось мнѣ уже не по силамъ: увичиженное мое нравственное я, разслабленный организмъ, а главное, давнишняя моя болѣзнь (каменная), съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливающаяся, требовали если не полного покоя, которымъ я, за неимѣніемъ средствъ, располагать не могъ, то сельской жизни, какъ весьма незатѣйливой и болѣе опредѣленной. Поэтому, сказано далѣе въ формулярѣ, въ янв. 1871 г. прот. Стуковъ, по прошенію, опредѣленъ настоятелемъ къ Успенской церкви, села Оека. Здѣсь о. Стуковъ служилъ до 1874 г. Разстроенное здоровье, старческой возрастъ и, главное, весьма частые и мучительные приступы давнишней болѣзни, сильно препятствовавшіе управленію богослуженія, а въ особенности литургіи, полная невозможность заниматься письменнымъ дѣломъ по церкви и приходу, заставили протоіерея Стукова выйти въ заштатъ.

Протоіерей о. Константинъ Стуковъ умеръ на 75 г., послѣ полного христіанскаго напутствія.

Большая бібліотека покойнаго, по семейнымъ обстоятельствамъ, еще не разобрана. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго отдѣловъ, въ ней много книгъ по монгольской литературѣ, между которыми, вѣроятно, есть очень рѣдкіе и цѣнные экземпляры. Весьма желательно, чтобы книги, особенно монгольскія, поступили въ бібліотеку иркутской семинаріи.

С. Влад. Даревъ.

Исправленіе погрѣшностей.

Въ официальной части № 1-го, на 1-й стран. вкралась ошибка: вмѣсто имени *Протерій*, напечатано *протоіерей* и въ № 12, офиц. же части, на первой стран. стр. послѣд. вмѣсто напечатаннаго слова: *только* нужно читать: *также*.

Редакторъ, Ректоръ Иркутской Духовной Семинар. *Аргимаандритъ Григорій*.

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи *Яковъ Стуковъ*.